

Для того чтобы найти способ запечатать плотские желания, требовалось время, которого у него почти не осталось. Сейчас первоочередной задачей было выяснить природу тех маленьких красных букашек — возможно, это новый, недавно появившийся вид. Чу Ханьюэ решил, что ему необходимо снова отправиться в городок Чанцзя.

Закончив утренний туалет, он привычно прочитал заклинание очищения сердца — ровно сто раз, — возжег благовония перед образом бессмертного почтенного Хуаяна и лишь после этого вышел навестить своего нового ученика.

Цяо Цяньли как раз втолковывал Цинь Фэну правила секты. Сам он, едва попав в ученики к Ханьюэ, привык вставать в пятую стражу и приниматься за чтение Правил секты еще до завтрака.

Заметив на лицах обоих учеников печать глубокого страдания, Чу Ханьюэ осведомился:

— Ну как успехи?

Цяньли с виноватым видом замялся:

— Учитель, боюсь, младший брат... не слишком сообразителен.

Чу Ханьюэ перевел взгляд на Цинь Фэна: тот развалился за столом и вовсю зевал. Нахмурившись, он бесцеремонно схватил его за шиворот и заставил выпрямиться.

— Где твои манеры?

Цинь Фэн в ответ лишь расплылся в глуповатой улыбке:

— Доброго утра, наставник.

— Утро? Ты видел, который час? — Чу Ханьюэ с каждым мгновением раздражался всё сильнее, глядя на его заспанную физиономию. — Во сколько ты вчера лег?

— Как стемнело, так и уснул. Правда, во сне пришлось... изрядно потрудиться, — Цинь Фэн невольно вспомнил их ночное «свидание», стыдливое, но гневное лицо Ханьюэ под собой и те звуки, от которых сладко ныло в груди. Воспоминание наполнило его глубоким удовлетворением.

При слове «сон» Чу Ханьюэ невольно сжал кулаки. Теперь это слово вызывало у него почти физическую неприязнь, и он заметно помрачнел.

— И сколько правил ты успел выучить за утро?

Цинь Фэн выставил перед собой указательный палец и шутливо им покачал. Ханьюэ нахмурился:

— Только одно? За всё утро — одно-единственное правило?

— Нет, наставник. Ни одного не выучил, — Цинь Фэн почесал затылок и принялся канючить: — Наставник, понимаете, я к новой постели не привык. Раньше-то я на улицах скитался, за счастье было на дырявой циновке приткнуться. А вчера — и крыша над головой, и одеяло теплое... Я от радости глаз сомкнуть не мог, всё боялся...

— Чего боялся? — Чу Ханьюэ прежде никто не смел так нагло докучать своим нытьем, но он не был человеком бессердечным. Глядя на этого несчастного парня, он невольно смягчился, и голос его зазвучал куда теплее, чем обычно.

— Боялся, что разозлю вас, вы прогоните меня с горы, и придется мне снова под открытым небом ночевать, — Цинь Фэн потянул Ханьюэ за рукав, слегка раскачивая его из стороны в сторону. — Наставник, я виноват. Я ведь в школу никогда не ходил, даже букв не знаю. Вот если бы вы сами меня писать научили... У старшего брата своих уроков полно, не стоит его отвлекать.

Чу Ханьюэ вспомнил, что его самого отобрали для обучения на горе Юньцзянь еще в пять лет. Как он мог забыть, что Цинь Фэн был простым нищим? А у нищих учителей не бывает.

Неграмотность — проблема серьезная; не научишь читать — не сможешь обучать ничему другому. Ханьюэ потер виски, сдерживая гнев. Парень в этом не виноват.

— Сначала завтрак, — отрезал он. — После пойдешь со мной в Башню библиотечных архивов, буду учить тебя грамоте.

— Слушаюсь, — Цинь Фэн с сияющей улыбкой выпустил рукав. — Спасибо, наставник!

На горе Юньцзянь была общая кухня, так что возиться с огнем и готовить самим не требовалось. Чу Ханьюэ любил тишину, поэтому обычно ел у себя вместе с Цяо Цяньли — еду им приносили. Еще вчера он распорядился приносить порции на троих.

Чу Ханьюэ был человеком строгих правил, и даже за столом сидел безупречно прямо. Цяо Цяньли, словно вырезанный по тому же лекалу, во всём подражал учителю, вот только из-за его могучего телосложения в этой манере не было и капли изящества.

Цинь Фэн оглядел стол: сплошная зелень. Никакого мяса, даже яиц нет. Тоска смертная. Вчерашний ужин был таким же пресным.

— Наставник, а мы что, только овощи едим? — с любопытством спросил он.

Ханьюэ кивнул:

— Правило сто тридцатое: ученикам горы Юньцзянь запрещено лишать жизни живых существ без крайней необходимости.

Цинь Фэн уныло помешивал ложкой соевое молоко.

— Кажется, у меня как раз возникла крайняя необходимость... лишить кого-нибудь жизни ради сочного мясного рулета.

Ханьюэ смерил его холодным взглядом:

— Правило двести шестое: ученикам горы Юньцзянь запрещено употреблять мясную пищу и хмельные напитки.

Цинь Фэн: «...»

Цяньли протянул ему постную булочку:

— Младший брат, мясо мешает совершенствованию. Забудь о нём.

Цинь Фэн послушно поддакнул, а про себя подумал: «Чушь собачья». Можно подумать, он сам никогда не был небожителем! До того как вознестись, он обожал земные деликатесы, особенно мясные, и после обретения бессмертия привычек не сменил. Правда, в небесных чертогах мясо было на вкус совсем иным, пресным. Он-то надеялся, что, спустившись в мир смертных, наконец отведет душу, но угодил в место, где порядки хуже, чем на небесах. Странная какая-то Гора Юньцзянь.

— Наставник, — не удержался от вопроса Цинь Фэн, — а на нашей горе Юньцзянь вообще были случаи успешного вознесения?

Прежде чем Ханьюэ успел открыть рот, Цяньли ответил за него:

— Разумеется! Каждые сто лет по меньшей мере десятков наших братьев обретают бессмертие. Усердно тренируйся, младший брат, и через сотню лет ты сможешь стать одним из них.

Услышав это, Цинь Фэн недоверчиво уставился на Ханьюэ:

— Наставник, старший брат говорит правду?

— Чистую правду, — подтвердил тот.

Цинь Фэн отставил чашку, и в груди его шевельнулось недоброе предчувствие. Он прожил среди богов тысячи лет, но ни разу не встречал ни одного бессмертного родом с горы Юньцзянь. Десять человек каждый век — куда же они деваются? Скрывают свое происхождение? Или занимаются какими-то тайными делами, о которых нельзя упоминать?

После завтрака Чу Ханьюэ повел ученика в Башню библиотечных архивов. Ему и самому нужно было поискать кое-какие книги, поэтому он решил совместить дела. К тому же здесь обычно было безлюдно, и никто не застал бы его за обучением неуча.

Найдя свободный стол, он усадил Цинь Фэна и начал с самого простого — с цифр.

— Пиши так же, как я.

Он увидел, как Цинь Фэн, зажав кисть в кулаке, коряво вывел единицу. Когда тот замахнулся на двойку, Ханьюэ поспешно прервал его:

— Смотри внимательно, как нужно держать кисть.

Цинь Фэн отложил инструмент и снова принялся канючить:

— Наставник, это так сложно... Не могли бы вы... ну, взять меня за руку и показать?

<http://bllate.org/book/17570/1654486>